

ДИХОТОМИЯ «ГОСУДАРСТВО – ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО»: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ¹

Моцелков Евгений Николаевич, доктор философских наук, профессор

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1
E-mail: enm@inbox.ru

Статья посвящена анализу развития в России дихотомической пары «государство – гражданское общество». Автором детально рассматриваются историко-политический контекст, в котором происходило становление этой системы научных идей. Отмечается, что в рамках исторического развития социальных наук понятия «государство» и «гражданское общество» прошли сложную эволюцию своего содержания и концептуальных интерпретаций. Особое внимание уделяется концепту «гражданского общества».

Ключевые слова: государство, власть, гражданское общество, история, политика, политология, право, собственность, личность

DICHOTOMY «STATE – CIVIL SOCIETY»: HISTORICAL EVOLUTION AND MODERN REALITIES

Moshchelkov Evgeny Nikolaevich, D.Sc. (Philosophy), Professor

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory st., Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: enm@inbox.ru

Article is devoted to the analysis of development dichotomizing pair "the state-civil society" in Russia. The author considers in details a historical and political context in which there was a formation of this system of scientific ideas. It is noted that within historical development of social sciences of the concept "state" and "civil society" passed difficult evolution of the contents and conceptual interpretations. The special attention is paid to a concept of civil society.

Keywords: state, power, civil society, history, policy, political science, right, property, personality

Понятийная пара или дихотомия² «государство–гражданское общество» как в России, так и за рубежом прочно вошли в повседневный лексикон политиков, бизнесменов, государственных служащих и обычных граждан³. Но используя эти понятия, по сути, в разговорной речи многие не отдают себе отчета в том, что они уже давно имеют определенное научное содержание и являются базовыми для ряда соци-

1 Текст подготовлен при содействии Российского гуманитарного научного фонда. Грант «История политических учений в системе гуманитарных наук», № 11-03-00097а.

2 Следует сразу пояснить содержание понятия «дихотомия». Встречается мнение, что это понятие содержит в себе «взаимоисключение» частей [См., напр.: 19, С.19]. На самом деле – «дихотомия [гр. *dichotomia* < *dicha* на две части + *tome* сечение] – это последовательное деление целого на две части, затем каждой части снова на две и т.д.» [26, С.209]. Именно в этом значении – *деление целого на две части* – термин «дихотомия» и употребляется в данной статье.

3 Зачастую искомые термины приобретают непомерно расширительный, размытый характер, причем, не только в устах обычных граждан, но у политиков и исследователей. Например, нынешний посол США в России и известный аналитик Майкл Макфол под «гражданским обществом» понимает независимые добровольные союзы людей и вообще любую солидарную активность граждан [См.: 17, С.5].

альных наук. В рамках исторического развития этих наук понятия «государство» и «гражданское общество» прошли сложную эволюцию своего содержания и концептуальных интерпретаций. В этих интерпретациях следует выделять, *во-первых*, отдельные определения этих понятий, а *во-вторых*, определения их взаимосвязей, дихотомии.

**Понятия «государство» и «гражданское общество»
в философско-политической мысли**

Государство – общественный феномен, который в историческом и современном контексте гуманитарной науки не имеет единого и общепринятого определения. Можно говорить только об общих и необходимых признаках или характеристиках, которые входят в различные определения государства. В числе этих общих характеристик следует назвать три: 1) население (народ), 2) территория (географическое пространство) и 3) власть. В своей совокупности эти характеристики аккумулируются в определении государства как определенной или особой формы организации общества, наиболее совершенной и наиболее всеобъемлющей формы человеческого общежития, образующей некую скрепу, упорядоченность общественных систем, что обуславливает их относительно целостное и самостоятельное существование и развитие в достаточно длительной исторической перспективе. Само слово «государство» имеет славянские (древнерусские) корни. Оно этимологически связано с древнерусским «*господарь*», которое, в свою очередь, происходит от слова «*господь*». Существует также точка зрения, что корневым в слове «государство» является слово «*суд*», которым в древности обозначался не только сам суд, но и вообще функция власти, управления и тем самым, под «судить» понималось властвовать, управлять практически всеми общественными делами.

В западноевропейских языках слова — *’etat* (франц.), *state* (англ.), *Staat* (нем.), *estado* (испан.), *stato* (итал.), *estado* (португ.) берут свое происхождение от латинского слова *status*, которое обозначает упорядоченность, установленность и урегулированность какого-либо состояния. Не трудно заметить, что между русской и западноевропейской этимологией слова «государство» существует существенная разница. В первом случае акцент делается на принудительной функции, во втором – на организационном аспекте. Остается только добавить, что и в России и в Западной Европе термин «государство» широкое распространение получает примерно в одно время. Карл XVI Митт считал, что появление понятия «государство» отразило в теоретической мысли реальные исторические сдвиги в европейском обществе, когда, начиная с XVI века, на смену эпохи перманентной конфессиональной гражданской войны приходит эпоха постепенного установления относительно стабильных государственных порядков.

В истории общественной мысли определение сущности государства обуславливалось воззрениями (теориями) на происхождение государства, в основе которых лежали следующие постулаты:

1. Государство является продуктом завоевания, продукт столкновения масс населения (*теория завоевания*);
2. Государство имеет Божественное происхождение и является продуктом Божественного промысла (*теократическая теория*);
3. Государство является результатом общественного договора (*договорная теория*);
4. Государство есть коллективная юридическая личность, которая может быть субъектом права и может навязывать свою волю (государственную волю) при помощи определенных органов всем индивидам, входящим в состав государства (*юридическая теория*);
5. Государство есть политическая надстройка над экономическим базисом (*теория экономического материализма*);

6. Государство есть не сознательный продукт деятельности человека, а есть естественный продукт развития сил природы (*органическая теория*);

7. Государство является определенным высшим этапом развития человеческого общества (*эволюционная теория*);

8. Государство (государственная власть) есть явление психологического порядка, относящееся к сфере не индивидуальных, а коллективных психологических проявлений (*психологическая теория*).

Теории государства (или научное изучение феномена государства) традиционно являются составной частью (и «объект-предметным» полем) таких наук как социология, юриспруденция, политология, философия. Можно сказать, что государство является таким социальным феноменом, на познании которого сходятся, интегрируются различные ветви гуманитарного знания. В России во второй половине XIX в. теория государства являлась обязательной частью таких университетских курсов как (общее) государственное право, общее учение о праве, общая теория права и др., которые в совокупности назывались административно-государственными или просто государственными науками (под ними тогда подразумевалась политическая наука), или государствоведением.

Вместе с тем, трактовка государства наиболее продуктивна в контексте философско-политического анализа, в которого были разработаны различные парадигмы (интерпретации) категориальной пары «государство–гражданское общество». В философии политики государство вообще невозможно рассматривать без его взаимосвязи с гражданским обществом.

Термин **«гражданское общество»** введен в научный оборот Аристотелем, который понимал под гражданским обществом совокупность свободных и равных граждан в рамках государства-полиса. Современное понятие гражданского общества (англ. civil society) происходит от родственной группы латинских слов *civilis, civilis, civitas* (гражданин, гражданский, город, государство). В широкое употребление термин «гражданское общество» входит в середине XVII в., сначала в трудах Г. Лейбница, затем Джона Локка, который в 1690 г. одну из глав своего Второго трактата о правлении назвал «О политическом и гражданском обществе».

Во второй половине XVIII – начале XIX в. в трудах европейских и американских философов и просветителей мы находим различные концепции гражданского общества. Гегель и Маркс, с разных философских позиций определили гражданское общество как сферу частных, экономических, материальных интересов и целей отдельных граждан общества.

В это же время в философско-политической мысли происходит также осознание того, что гражданское общество возможно только как феномен, взаимодействующий с государством, что государство и гражданское общество – это две взаимодействующие и взаимосвязанные стороны единого целого.

Правда, это была сугубо западная интерпретация проблемы. В восточной философско-политической мысли, имеющей еще более глубокие, чем в западной, исторические корни понятие «гражданское общество» практически не употреблялось. Аналогичным образом следует охарактеризовать отношение к понятию «гражданское общество» и в российской философско-политической мысли XIX в.¹

¹ Для российской общественной мысли понятие «гражданское общество» оставалось не востребованным и в XX в. Достаточно сказать, что ни в дореволюционной Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, ни в Большой советской энциклопедии и Философской энциклопедии статья «гражданское общество» отсутствует.

Модели дихотомии «государство–гражданское общество»

в истории философско-политической мысли и общественных систем

В философско-политической мысли можно выделить ряд моделей дихотомии «государство–гражданское общество»¹, которые сформировались в разные исторические эпохи, как отражение реальных процессов, происходящих в контексте различных социальных систем.

Прежде всего, следует говорить о **классической (западной) модели** дихотомии «государство–гражданское общество», которая разрабатывается в трудах немецких философов первой половины XIX в.

Базовый тезис этой модели заключается в том, что «государство–гражданское общество» – это дихотомия двух равновеликих общественных субстанций, но с определяющей ролью одной из них: 1) государство определяет гражданское общество (Гегель; «Философия права», 1821²); 2) гражданское общество определяет государство (Маркс и Энгельс; «Немецкая идеология», 1846³). Здесь главное – эти части, а не целое; динамика самостоятельных частей определяет развитие и состояние целого и создает поле для плюрализма в политике, экономике, идеологии и т.д. (теоретическая рефлексия неоднородного, много слоевого социума).

Государство и гражданское общество – это взаимно обусловленные субстанции целостного социума, возникшего на определенной исторической ступени развития человеческого общества. По классическим определениям Гегеля, государство («сфера всеобщего интереса») и гражданское общество («сфера частного интереса») не могут существовать одно без другого. Гражданское общество необходимо для воспроизводства человеческой жизни, а государство – для обеспечения устойчивого и безопасного существования гражданского общества. Но интерпретация статуса и соотношения этих субстанций может быть различной.

Данная парадигма сформировалась в первой половине XIX в. и отражала реальные процессы становления западноевропейского общества (становление правового государства и рыночной экономики). В этой парадигме задача государства состоит в создании правовых условий для нормального и безопасного функционирования институтов гражданского общества. Исторически доказано, что такая система опти-

1 Обзор различных употреблений и трактовок понятий «гражданское общество» и «государство» в политико-философской мысли Античности и Нового времени [См.: 19, С. 17-27].

2 Так в оригинале: «... *Гражданское общество*, [есть] объединение членов в качестве самостоятельных, единичных в формальной, таким образом всеобщности на основе их потребностей и через правовое устройство в качестве средства обеспечения безопасности лиц и собственности и через *внешний порядок* для их особенных и общих интересов; и это *внешнее государство* возвращается и концентрируется в цели и действительности субстанционального всеобщего...» [9, с.208] Таким образом, по Гегелю, **гражданское общество** – это *формальная* всеобщность людей, в которой превалирует единичность и индивидуальный интерес, тогда как **государство** – это *субстанциональная* всеобщность. Далее Гегель пишет о том, что «развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства», что «в гражданском обществе каждый для себя – цель, все остальное для него ничто». Эта «эгоистическая цель» гражданского общества должна, по убеждению Гегеля, быть обусловлена «всеобщей зависимостью», в рамках которой «средства к существованию и благо единичного ... переплетены со средствами существования, благом и правом всех, основаны на этом и только в этой связи действительны и обеспечены» [9, С. 228]. Под этой «всеобщей зависимостью» Гегель понимает государство.

3 Так в оригинале: «Гражданское общество обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил. Оно обнимает всю торговую и промышленную жизнь данной ступени и постольку выходит за пределы государства и нации, хотя, с другой стороны, оно опять-таки должно выступать вовне и в виде национальности и строиться внутри в виде государства... Гражданское общество как таковое развивается только вместе с буржуазией; однако тем же именем всегда обозначалась развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства ...» [18, С. 71].

мально работать может только в определенных условиях, которые называются буржуазным (или – демократическим) обществом. В таком обществе существует система выборных представительных органов (на основе многопартийности и всеобщего избирательного права) и система разделенных (независимых друг от друга) ветвей власти. Такая система в Западной Европе складывалась, начиная с XVI в., на протяжении двух веков и была объективно обусловлена новыми постфеодальными экономическими процессами – формированием городского мануфактурного, а позже – промышленного производства, а также соответствующей ему инфраструктуры.

Немецкие философы первой половины XIX в. (прежде всего, Гегель и Маркс), которые, собственно, и разработали классическую модель дихотомии «государство – гражданское общество» в оригиналах своих работ понятие «гражданское общество» обозначали через термин «bürgerliche Gesellschaft», которое в немецком языке означает и «буржуазное общество». О том, что гражданское общество (в его классическом виде) возникает на буржуазной стадии развития общества указывал и Гегель¹.

Поэтому говорить о существовании гражданского общества (а значит – и о дихотомии «государство – гражданское общество») по отношению к добуржуазному (или не буржуазному) развитию общества мы можем только условно. Мы можем выделять лишь некоторые специфические модели (или даже – аспекты) взаимодействия государства и элементов системы частных, индивидуальных интересов и целей, которые, конечно существовали на всех стадиях развития человеческого общества и даже не столько в степени буржуазности такого или иного общества. Эта проблема имеет глубокие цивилизационные основания.

В основе западной модели дихотомии «государство–гражданское общество» лежало правовое начало, определенная и достаточно регламентированная система правового обеспечения и защиты политико-гражданских отношений. Эту характеристику можно считать фундаментальной для западного буржуазного общества. Но один из исследователей истории правовых учений Сурия Пракаш Синха обращает внимание на то, что в истории человечества всегда сосуществовали разные цивилизации, которые развивались на разных основах и принципах социальной организации. «Можно сказать, - пишет Сурия Пракаш Синха, - для западной цивилизации таким принципом является право, но этого нельзя сказать о других цивилизациях. Это объясняет, почему большинство (хотя и не все) теорий права появились на почве западной культуры, а не китайской, индийской, японской или африканской культур. Это произошло не из-за того, что право означает какое-либо превосходство в области духовных или интеллектуальных достижений, или из-за некоего культурного превосходства Запада..., но потому, что право и его институты играли центральную роль в специфической исторической действительности Запада, в то время как в других обществах эта роль принадлежала другим принципам». [27, С.11] Не случайно, элементы специфической модели дихотомии «государство–гражданское общество» мы находим в восточной философии. Здесь, в отличие от западной модели, «государство–гражданское общество» есть одно (единое) целое, которое определяет части; динамика этого целого и определяет развитие частей, их взаимодействие (теоретическая рефлексия монизма в политике и власти).

Данная модель сформировалась в условиях теократического (а не светского, как на Западе) общества. В этом теократическом обществе государство может существовать и без развитого и самостоятельного гражданского общества.

Так, по мнению А.С. Панарина «западное светское государство выступает как безразличный к ценностям и бесстрашный наблюдатель процессов, происходящих в гражданском обществе, и вмешивающийся лишь в случае возникновения прямых эксцессов и беспорядков. Восточное теократическое государство, напротив, является постоянно мобилизованным носителем ценностных, нравственно-религиозных кри-

¹ «Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире...» [9, С. 228].

териев, стремящимся соответствующим образом контролировать все социальные практики» [22, С. 228].

Строго говоря, для формирования гражданского общества в западном смысле необходимо юридическое равенство людей, которое и является необходимой предпосылкой для появления системы индивидуальных (частных) или групповых экономических интересов. Но, например, кастовая структура восточного (индийского) общества имеет космическое начало и поэтому западная идея равенства людей противоречит в этом обществе самой природе вещей [См.: 30, С. 21; 31, С. 348-352, 437-443]. анализируя главные философские школы Китая (конфуцианство, легизм) приходит к выводу: «Ключевой философской проблемой в данном случае является гипотетическая возможность существования государства как института, стоящего над личностью и в то же время являющегося структурой, которую совокупность таких личностей и построила» [30, С. 229].

Отсюда на Западе и на Востоке – различные понимания и трактовки власти и политики. Если в западной модели власть – это разновидность технологий, форма регуляции общественных отношений, то восточная модель под политикой подразумевает различные формы реализации стратегических и тактических замыслов бесконтрольной централизованной власти.

Поэтому, когда мы хотим применить к развитию восточных обществ принципы развития западных обществ, когда мы говорим, например, что где-то еще «не сформировалось гражданское общество», что «оно еще слабое, неразвитое», «не может противостоять государству» и т.д., то мы совершаем логическую ошибку, пытаясь совместить несовместимое. Мы хотим через призму западной теории прогресса соотнести разные цивилизационные модели развития, в рамках которых на протяжении многих веков развивались различные, но самодостаточные и устойчивые формы организации социальной жизни. Но такое соотнесение ни с теоретической, ни с практической точек зрения не является корректным.

Оригинальные идеи по интерпретации дихотомии «государство–гражданское общество» мы встречаем *в русской философско-политической мысли* второй половины XIX – начала XX в., где соединились, пересеклись западные и восточные подходы к интерпретации искомой проблемы.

Довольно мощным и плодотворным было западное направление. В условиях авторитарной государственной системы в России (особенно в сфере университетского образования) получили распространение западные правовые теории и учения, которые, конечно, трактовались как модели общественной жизни, распространенные в зарубежных странах. Но подспудно прозападнически мыслящими российскими учеными (Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, С.А. Котляревский, В.М. Гессен и др.) проводились идеи о возможности (может быть, в отдаленной перспективе) реализации этих моделей и в России.

Наряду с этим направлением во второй половине XIX – начала XX в. в России ряд мыслителей предлагали оригинальные подходы органичного соединения общемировых тенденций в развитии государства и гражданского общества со специфическими традициями и характеристиками российской цивилизации.

Так, один из забытых русских политических мыслителей второй половины XIX века – Р.А. Фадеев, высказывался за то, чтобы коренным образом изменить существующие отношения верховной власти и местных общественных образований (земств). По его мнению, это приведет постепенно к образованию в России другого типа самодержавной монархии, которую можно назвать как народная (или земская) самодержавная монархия.

«Последовательный ход истории, – писал Р. Фадеев, – ставит перед Россией вопрос не об источнике власти, а о перенесении центра государственного тяготения с обветшалой табели о рангах на самую почву, в земство» [25, С. 141], что приведет Россию «из государства чиновничьего в государство земское» [25, С. 141-142].

В этой модели Фадеева просматривается весьма оригинальная идея сочетания сильной самодержавной высшей власти и местной территориальной власти, созданной на основе представительской демократии.

Такая идея синтеза авторитаризма и демократии разделялась и славянофилами¹. И.С. Аксаков, например, особое устройство (тип) монархического государства, в котором была органично соединена низовая представительная демократия, обладающая реальными правами, и сильная неограниченная власть центра считал «русским политическим идеалом», указывая при этом на то, что «со стороны правительства здесь нет уступки власти, а лишь возвращение власти в ее истинные пределы, где только она и может быть вполне могущественной...» [28, с.14].

Идея органичного сочетания власти и общества получает в конце XIX начале XX в. в трудах выдающегося русского историка В.О. Ключевского, который оптимальную модель дихотомии «государство–гражданское общество» для России видел в таком государственном и общественном устройстве, где образуется органичная связь власти и народа (народный союз). «Государство как народный союз, – пишет Ключевский, – почерпает свою силу в народной мощи и растет вместе с нею, содействуя и ее росту – таково первоначальное и естественное отношение между государством и народом» [13, С.408].

Россия на протяжении своей истории как раз и стремилось стать таким народным союзом, но реальность была другой. Особенно резко дисгармония государственной власти и народа в русской истории проявилась, по Ключевскому, в конце XVI – начале XVII в. Тогда, в условиях пресечения многовековой рюриковской династии и в чехарде различных правителей, люди увидели, что государство может существовать и «даже без государя». Примечательно, что в современном массовом сознании, включая и сознание политической элиты, государство отождествляется с правительством, с высшими органами управления. Ключевский же придерживался другой точки зрения. Государство у него отождествляется с народом, ибо государство – это «народный союз», который не может принадлежать никому, кроме самого народа². И русская история (например, периода Смуты) прямо свидетельствует о том, что государство может существовать и без правительства (или с недееспособным, и даже антинациональным правительством). Но государство не может существовать без народа. В начале XVII в. не правительство, а именно народ, выдвинув из своей среды мало известных до этого предводителей и собрав ополчение, вывел страну из беды и спас российскую государственность.

Таким образом, разные течения русской философско-политической мысли конца XIX – начала XX в. (консерваторы – Р. Фадеев, славянофилы – И. Аксаков, умеренные критики самодержавия – В. Ключевский) видели будущее России в формировании очень своеобразной (незападной) модели дихотомии «государство–гражданское общество». Модели, в которой происходила органичная взаимосвязь между прозападным, буржуазным вектором развития экономики и финансовой сферы, с одной стороны, и особым общинным характером отношений власти и народа, власти и собственности, с другой.

Данные идеи и проекты не были лишь умозрительными опытами, а исходили из реально существующих в то время специфических отношений государства и общества, власти и собственности.

1 Сам Р.А. Фадеев к славянофилам себя не относил, о чем он прямо и неоднократно указывал в своих работах.

2 По мнению Г. Федорова, не случайно «в опыте своего построения русской истории» Ключевский приходит к твердому убеждению, что «не государство, не правительство и не властная личность, а народ, в смысле общественных групп и классов, – на переднем плане» [32, С. 99]. Такая позиция кардинально отличала Ключевского, например, от С.М. Соловьёва, для которого на переднем плане истории выступало *государство*, или от Б.Н. Чичерина, у которого эту роль играла *историческая личность*.

Дело в том, что различные фазы развития отношений «власть–собственность»¹, существенно влияющие на изменения внутри любой общественной системы, для России являются основой всех политических и социальных трансформаций. Это базовая национальная «матрица» нашего развития. Колебания общественных связей между двумя крайними состояниями этой «матрицы»: «*власть отделена от собственности*» и «*власть слита, соединена с собственностью*» в решающей степени на протяжении трех последних веков определяли социальную динамику России и, в конечном итоге, привели к двум системным революциям – петровской в начале XVIII в. и большевистской в начале XX в.².

Кардинальное изменение состояния базовой национальной матрицы в период системных революций совпадает с периодом наложения временных (глобального и локального) ритмов. Данное совпадение является уникальным явлением для развития России, но и для эволюции мирового социума, которое фиксируется при анализе развития различных общественных систем. Один из исследователей эволюции архаичных африканских обществ – И.Л. Андреев – обнаруживает прямую зависимость генезиса властных представлений и конструкций с временными образами и ориентациями в процессе становления различных этнических групп на африканском континенте³. Данное наблюдение, относящееся к совершенно иному социуму (чем Россия), важно с методологической точки зрения. Оно помогает лучше понять механизм образования и развития матрицы социально-политической динамики России в контексте исторических пространственно-временных изменений российского социума, в контексте эволюции уникальных и специфических по своей природе его базовых оснований.

Адекватному пониманию реальной сути взаимодействия власти (государства) и собственности в истории России зачастую мешают теоретические конструкции, которые привнесены в отечественное обществознание из западной политической науки. Так, например, в дискуссии 1960-х гг. прошлого века об «азиатском» способе производства [См., например: 29; 23; 8; 75; 12; 6]⁴ тип соотношения власти и собственности упрощенно трактовался как критерий «демократичности» общественной системы: если власть и собственность в государстве разведены, находятся под контролем разных центров силы (хотя такую ситуацию в «чистом виде» невозможно себе представить применительно и к современному миру), то это признак демократической системы. Если же власть и собственность слиты, соединены, то это свидетельствует о наличии тоталитарных порядков, или «восточных деспотий», основанных на так называемом азиатском способе производства⁵.

1 Данный феномен давно является объектом исследования для многих ученых в нашей стране [см., например: 35].

2 Различные аспекты данного явления – соединение (симбиоз) власти и собственности в рамках общественной системы «советско–социалистического» типа, которая существовала в СССР после 1917 г., анализируются в исследовании [21].

3 «Поскольку в связи с возрастанием потребности в координации и регулировании объективно усложнявшейся жизни первичного социума, как самоорганизующейся, саморегулирующей и саморазвивающейся во времени системы, прослеживается *генезис власти*, а потестарный потенциал, первоначально опиравшийся на культ предков и мифологических героев, реализуется по каналам женских и мужских подсистем, можно констатировать корреляцию генезиса властных представлений и первичных потестарных структур с развитием временной ориентации и эволюцией левого полушария головного мозга» [1, С. 74].

4 Справедливости ради, необходимо отметить, что участники дискуссии выводы и суждения об «азиатском» способе производства крайне осторожно экстраполируют на историю России.

5 Один из исследователей данной проблемы Л.С. Васильев пишет: «Суть феномена власть–собственность сводится к тому, что в условиях формирования надобщинных политических образований, протогосударств, владение и распоряжение ресурсами нерасчлененного коллектива становится функцией ставших над общинами субъектов власти, вождей и их окружения». [6, С.70; 7, 16, С. 20-31].

Приложение данной формулы в указанной трактовке к анализу социальной динамики России может не прояснить, а наоборот – запутать суть дела.

Когда мы говорим о том, что в период петровских реформ власть соединяется с собственностью, это не означает, что с этого времени в России перестает существовать система частной собственности, что в стране устанавливается тоталитарный режим. В начале XVIII в. власть соединяется с собственностью не в том смысле, что ликвидируется сфера частного интереса и вся частная собственность становится целиком государственной, а в том, что система частной собственности лишается существенных рычагов непосредственного влияния, давления на власть. Власть в государстве становится монополией определенного клана, опирающегося на узкую социальную прослойку. Частные же собственники превращаются при этом в обычных, хотя и в наиболее привилегированных, агентов государственной системы, лишаются даже теоретической возможности сравняться с властью и тем более встать над ней. Важно также отметить, что изменение соотношения власти и собственности в России не было связано с переходом от традиционного, феодального общества к капиталистическому. Соединение власти и собственности продолжало существовать и в период становления капиталистического рынка и во многом способствовало этому процессу. Важной самобытной особенностью развития России даже в XX в. было то, что формировалась специфическая система частной собственности и капиталистического рынка, в которой отношение собственника к государству всегда было более приоритетным, чем отношение собственника к собственности.

Таким образом, государственная власть не прямо и непосредственно (как в восточных деспотиях) владела собственностью, а имела мощные рычаги влияния на функционирование этой собственности, располагала возможностями ограничения прав собственников в экстремальных ситуациях, когда требовалось быстро мобилизовать национальные ресурсы.

Целый ряд общественных феноменов - не только отношение власти и собственности, но и, например, абсолютистская форма монархической государственности, преобладание артельно-общинного способа хозяйствования и т.д., которые, действительно, встречаются в истории многих стран в докапиталистическую эпоху, в России же просуществовали до начала XX в., а в измененных формах и позже, т.е. не только в докапиталистическую, но и в саму капиталистическую эпоху. Обычно это объясняется просто - отсталостью России. На мой взгляд, такое объяснение упрощает суть вещей.

Упрощает хотя бы потому, что элементарный исторический анализ показывает: то, что на Западе было относительно кратковременным этапом истории, в России являлось фундированной основой ее длительного развития вплоть до современной эпохи. А значит, это не преходящие феномены, а самобытные, матричные основания национального развития.

Многие отечественные мыслители прошлых веков прямо говорили о том, что в России исторически сложился особый статус права собственности. К примеру, по мнению И.В. Киреевского, этот статус является как бы случайным или второстепенным по отношению к статусу личности. Это проявляется и в общине, где «с увеличением числа лиц увеличивается и количество земли, а с уменьшением - уменьшается», и в помещичьем землевладении, при котором «отношение помещика к государству зависит не от поместья его, но его поместье зависит от его личных отношений». Все это, по общему заключению Киреевского, означает, что в России «общество слагалось не из частных собственности, к которым приписывались лица, но из лиц, которым приписывалась собственность»¹.

¹ Как тут не вспомнить размышления великого русского ученого-естественника Д.И. Менделеева, напряженно думавшего о судьбе России, об обустройстве ее жизни: «Артельно-кооперативный способ борьбы со злом капитализма, со своей стороны, считаю наиболее обещающим в будущем и весьма возможным для приложения во многих случаях в России, именно по той причине, что

Данная трактовка исторически сложившегося статуса собственности в России характерна не только для славянофильской концепции русского исторического процесса. Н.А. Бердяев (мыслитель, далекий от славянофильства) писал: «По своим понятиям о собственности русские крестьяне всегда считали неправдой, что дворяне владеют огромными землями. Западные понятия о собственности были чужды русскому народу, эти понятия были слабы даже у дворян. Земля Божья и все трудящиеся, обрабатывающие землю, могут ею пользоваться. Наивный аграрный социализм всегда был присущ русским крестьянам» [2, С. 14].

Другой крупный деятель послеоктябрьской российской интеллектуальной эмиграции – С. Франк, явно исходя из исторического опыта России, разрабатывал специфическую теорию системы собственности «равно далекой как от либерально-индивидуалистического, так и от социалистического воззрения на собственность» и представляющую собой некую «третью систему», «средний, третий путь» [33, С. 326]. В этой системе, – по представлениям С. Франка, – «частный собственник, оставаясь собственником, и именно в качестве такового, при полной обеспеченности своих прав тем самым осознает себя слугой государства, отправителем служебной функции в целостном организме народной жизни» [33, С. 327].

Понимание специфического характера исторически сложившихся форм и систем собственности в России показывает ограниченность западных либеральных и (неолиберальных) трактовок феномена «власть–собственность» (а значит и связи «государство–гражданское общество»), которые формулировались преимущественно на основе линейно-прогрессивистской парадигмы исторического процесса, исходившей в эволюции общественных систем из единой матрицы общемирового социального прогресса (роста) и из безусловной доминанты экономического фактора, как основного критерия этого прогресса.

«Государство–гражданское общество» в современном мире: беглые заметки о Европе, Китае и России

В конце XX – начале XXI в. мировое сообщество переживает кардинальную трансформацию исторически сложившихся и функционирующих до последнего времени общественных структур.

Европа. В настоящее время в европейских странах происходит деформация сложившейся на протяжении 500 лет «западной модели» дихотомии «государство–гражданское общество». Западное европейское общество подвергается мощной и довольно результативной экспансии восточного образа жизни, незападного видения и толкования таких базовых общественных феноменов как «государство», «гражданское общество», «закон», «политика», «собственность», «семья», «личность» в теории, а на практике подтверждается, что эти феномены могут иметь принципиально различную природу и содержание в контексте различных социальных систем. Только до конца XX – начала XXI в. развитие этих разных систем и ценностей происходило, по сути, изолировано друг от друга. Теперь же, в результате мощнейшего и не поддающегося контролю и регулированию притока в Европу людей из Азии и Африки, эти две социальные системы (западная и незападная, даже антизападная) столкнулись друг с другой на пространствах европейского континента. Местные представители незападной культуры и образа жизни уже доминируют во многих инфраструктурных сферах, начинают проникать в местные органы управления (особенно в местах компактного проживания), в средства массовой информации. В христианской Европе все более широкое жизненное пространство занимает ислам, культовые учреждения мусульманской религии. Во Франции, например, доля мусульманского населения приближается к одной трети (в 50-70 гг. прошлого века эта доля составляла менее 10%). Поэтому если 50 лет назад в стране

русский народ, взятый в целом, исторически привык и к артелям и к общинному хозяйству» [20, С. 74-75].

была одна мечеть, то в настоящее время их три тысячи [11, С.3]. Очень многие выходцы из стран Африки и Азии, которые сейчас живут во Франции (в том числе и те, которые родились во Франции) не собираются адаптироваться во французское общество и даже не считают себя французами [10, С.10]. Аналогичные демографические, социальные и конфессиональные сдвиги в последние десятилетия произошли в Германии, странах Северной Европы¹.

По сути дела Европа в настоящее время представляет собой своеобразный театр военных действий между Севером и Югом, о чем еще в 90-е гг. прошлого века нас предупреждал С. Хантингтон [34, С.281-562]. И думается, что уже не следует питать иллюзий по отношению того, кто победит в этой войне. В этом губительном для христианской Европы и классической западной системы процессе, к сожалению, точка невозврата уже пройдена. Вопрос только во времени.

Думается, что не в последнюю очередь пагубную роль в развитии данной драматической тенденции сыграло полное и безраздельное господство на протяжении многих лет евроцентристских представлений о развитии мира, о культурных и духовных ценностях, о политической жизни, о взаимоотношениях государства и личности, признание превосходства этих представлений над всеми другими цивилизационными моделями развития.

На этом печальном фоне чрезвычайно интересными представляются процессы, которые происходят в современном *Китае*.

А именно эти процессы являются наглядным примером того, как традиционные ценности и традиционная культура с тысячелетней историей может быть достаточно органично увязана с современными принципами и векторами экономической и социально-политической модернизации. Развивая рыночные отношения и систему новых для Китая экономических отношений и индивидуальных экономических свобод и интересов, в этой стране сохраняются старые базовые конфуцианские принципы общественной жизни.

Один из ведущих российских исследователей Китая В.Г. Буров данную характеристику современного китайского общества формулирует следующим образом: «Более важное значение в иерархии ценностей имеет принадлежность к человеческому сообществу, общине, чем обладание собственностью или имуществом. Поэтому экономическая власть находится в руках людей, следующих нравственным нормам, но вместе с тем хорошо понимающих экономическую реальность». Другой крупный китайский исследователь А. Кобзев отмечает такую отличительную черту китайского общества, начиная со средневековых времен, как фактическое отличие сословности, проникновение национальных культурных ценностей в одинаковой степени в различные социальные слои. «... Китайцы, - пишет он, - сумели сделать единую культуру общим достоянием нации. Это не значит, что крестьянский крестьянин был очень просвещенным. Он мог быть диким человеком, но разделял те же ценности, что и культурная элита... При таком единстве верхов и низов государство легко организовывало народ на решение разных, в том числе грандиозных задач, как строительство Великой стены или Великого канала» [15].

Эти специфические характеристики общественной жизни не деформировались за многовековую китайскую историю, а сохранились и до наших дней. С их помощью сейчас и реализуются масштабные проекты по модернизации Китая.

Следует отметить, что в ходе современных реформ изменяется отношение к марксизму-ленинизму и роли компартии в обществе. В целом не отказываясь от этих основ социализма, все больший упор делается на умеренные идеи Дэн Сяопина и теорию «тройного представительства», согласно которой компартия представляет интересы всего народа, передовые производительные силы и культуру [3].

¹ О необратимой деградации европейского образа жизни говорят сейчас многие люди. – См., например, интервью с писателем Анатолием Гладилиным, который 37 лет живет во Франции (Аргументы и факты, 2013. № 31. С. 3).

Оставаясь в рамках смешанной модели дихотомии «государство – гражданское общество», современный Китай показывает, как эта модель может и должна изменяться под воздействием новых реалий. Не *отказ* от традиции, а развитие и изменение на *основе* традиции. Настоящее и будущее не как девальвация прошлого, а как его обновление, гармоничное развитие.

Теперь о современной **России**. Вопрос, который у всех на устах: формируется ли в настоящее время в России гражданское общество, как можно оценить степень его зрелости, его силы?

Встречаются люди, которые утверждают на этот вопрос утвердительно. И действительно, существует много свидетельств того, что в последние годы в условиях рыночной экономики формируется система частных экономических интересов, появилась частная инициатива, гражданская активность в хозяйственных и социальных сферах. Люди, владеющие собственностью, все активнее отстаивают свои права. Все это, казалось бы, наглядно подтверждает демонстрации и митинги в Москве в последние два-три года.

Но можем ли мы говорить о том, что так называемая «Болотная история» свидетельствует о появлении в России развитого (или, хотя бы развивающегося) гражданского общества? По мнению К. Ремчукова, с которым, на мой взгляд, следует согласиться, эта «история» отражает совсем другие реалии и сдвиги в российском обществе. «Начала формироваться, - пишет К. Ремчуков, - модель горизонтальных связей, когда связующим материалом становятся желания и их почти немедленное удовлетворение. За деньги. Появились и окрепли горизонтальные люди. Их антиподом по прежнему являются вертикальные люди, выросшие и воспитанные системой вертикальных иерархий карьерного роста и вознаграждения» [24, С.1]. Иными словами, следует говорить не столько об изменениях в базовых гражданских позициях широких слоев, не об изменениях в базовых связях государства, власти и населения, общества, а о появлении людей («горизонтальные люди») с новой постсоветской психологией, с новыми («рыночными») жизненными и даже – житейскими (а не политическими и идеологическими) ценностями и ориентирами¹.

Похоже, все-таки формирование в России гражданского общества (в западном смысле) и сегодня остается еще не реализованной целью. И думается, что главной проблемой в этом вопросе является отсутствие ясных ориентиров, полное отсутствие и у власти и у общества понимая того, каким это гражданское общество должно быть.

Западные образцы для нас не подходят и не только потому, что эти образцы изживают себя и на самом Западе, но и потому, что Россия никогда не была только частью Запада, а развивалась на стыке культур и цивилизационных потоков. Поэтому западный путь построения гражданского общества для России – это утопия, на реализацию которой совершенно бесплодно могут быть затрачены огромные ресурсы, по-видимому, утрачена и возможность возродить и опереться на специфические национальные ростки и основания гражданского общества, которые реально

¹ Что же касается политических и идеологических позиций россиян, то об этом свидетельствуют социологические опросы. Так, по данным ВЦИОМа только 3 % россиян хотят видеть свою страну демократическим государством (См.: Известия. 9 июня 2012 г.). С этими данными созвучны и исследования американского социологического центра Pew Global Attitudes: на вопрос, что эффективнее решит проблемы России – «сильная рука» или демократическое правительство - 55 % граждан в возрасте 18-39 лет и 63 % в возрасте старше 40 лет склонились в пользу первого варианта (См.: Новая газета. 27 января 2010 г. № 8. С. 9). Удивительно, но тяга к «сильной руке» является устойчивой у российского населения на протяжении многих лет. Так, в 1995 г. (т.е. почти 20 лет назад) на вопрос: «Являетесь ли Вы сторонником введения режима «жесткой руки» в экономических целях?» утвердительно ответили 55 % респондентов. [14, С.80]. Не эти ли люди и являются социальной базой современных контрреформ в России?

существовали в российском обществе и к развитию которых призывали русские мыслители второй половины XIX – начала XX века.

Примечательно, что об этих основаниях вспомнил через столетие другой русский мыслитель А. Солженицын, который в одной из последних своих статей-призывов «Что нам по силам» (АиФ, февраль, 2008) писал: «Да позволим же, наконец, и в России существовать местному самоуправлению, где безстеснительно, каждый раз по жизненным, всем понятным поводам раскрывались бы уста. Я – уже не первый десяток лет, сколько мог, – писал, объяснял, призывал именно: к свободному действию в России местного самоуправления. В нашей истории веками существовал и деревенский мир, и городские веча, и казачьи сходы, а с конца XIX в. – плодотворное Земство, разогнанное большевиками в 1918 г. (замененные ими на Советы, а те сразу были подмяты компартией и никогда никем реально не управляемы) мы не научимся брать в свои руки и деятельно обеспечивать близкие, жизненные наши нужды, не видать нам благоденствия ни при каких золотовалютных запасах».

Как видно великий писатель призывал нас в поисках путей формирования гражданского общества и моделей его взаимодействия с государством смотреть не за границу, а вглубь собственной истории, в богатейшие пласты национального опыта.

Пока из этого ничего не получается. Достаточно сказать, что даже в действующей российской конституции из 137 статей местному самоуправлению посвящено только 4 статьи (глава 8). Для сравнения: раздел «Президент Российской Федерации» состоит из 14 статей.

В свете данных беглых заметок о положении взаимодействий государства и гражданского общества в разных частях современного мира вопрос о том, какие пути наиболее рациональны и плодотворны для России, является риторическим. Ведь перед Россией, по сути, два примера или даже два урока: первый негативно-трагический с запада и второй позитивно-оптимистический с востока. Стоит ли спорить о том, что нужно выбирать?

Список литературы

1. Андреев И.Л. Связь пространственно-временных представлений с генезисом собственности и власти // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 74.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.14.
3. Буров В., Федотова В. Золотые правила реформ // Литературная газета. 1-7 февраля 2006 г., № 4.
4. Буров В.Г. «Поднебесная принадлежит всем». О духовной составляющей социализма с китайской спецификой // Литературная газета. 9-15 сентября 2009 г., № 36.
5. Васильев Л.С. Феномен власть-собственность. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
6. Васильев Л.С. Что такое «азиатский» способ производства? // Народы Азии и Африки. 1988. № 3.
7. Васильев Л.С., Стучевская И.А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // Вопросы истории. 1966. №5.
8. Гарушняц Ю.М. Об азиатском способе производства // Вопросы истории. 1966. №2;
9. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
10. Зотов Г. Франция на коленях // Аргументы и факты. 2013. № 32. С. 10.
11. Интервью с Жаном-Мари Ле Пенем // Культура. 14-20 июня 2013 г., № 21. С. 3.
12. Качановский Ю.В. О понятиях «рабство» и «феодализм» // Вопросы истории. 1967. №6.
13. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. V. М., 1989.
14. Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.И. Между авторитаризмом и демократией // ПОЛИС. 1995. № 2.
15. Кобзев А. Любить дракона // Российская газета. 29 июня 2011 г.
16. Кржевов В.С. Власть и собственность в докапиталистических обществах (к методологии анализа) // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 7. Философия. 1990. № 1. С. 20-31.

17. Макфол М. Гражданское общество Америки // Независимая газета. 29 апреля 2013 г. С. 5.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (I глава «Немецкой идеологии») // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. Т. 1. М., 1966.
19. Мартыненко В.В. Государство и гражданское общество – дихотомия или единство? // Вопросы философии. 2011. № 10.
20. Менделеев Д.И. Границ познанию предвидеть невозможно. М., 1991.
21. Мокшин В.К., Ключев С.Ю. Феномен симбиоза власти и собственности в системе советского типа. Архангельск, 1999.
22. С. Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции. М., 2000. С. 228.
23. Пигулевская Н.В. К вопросу об азиатском способе производства // Вестник древней истории. 1965. №3;
24. Ремчуков К. Горизонтальные люди // Независимая газета. 15 июля 2013 г. С. 1.
25. Собрание сочинений Р.А. Фадеева. СПб., 1890. Т. III. ч. 2. .
26. Современный словарь иностранных слов. М., 1992.
27. Урия Пракаш Синха. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс / Пер. с англ. М., 1996.
28. Теория государства у славянофилов СПб., 1898.
29. Тер-Акопян Н.Б. Развитие взглядов Маркса и Энгельса на азиатский способ производства и земельную общину // Народы Азии и Африки. 1965. №2;
30. Томсон М. Восточная философия. М., 2000.
31. Ударцев С.Ф. История политических и правовых учений. Древний Восток: Академический курс. СПб., 2007.
32. Федоров Г. Россия Ключевского // Наше наследие. 1991. III.
33. Франк С.Л. Собственность и социализм // Русская философия собственности (XVII-XX вв.). СПб., 1993.
34. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
35. Цирель С.В. «Власть-собственность» в трудах российских историков и экономистов // Общественные науки и современность. 2006. № 3.

References

1. Andreev I.L. Svyaz prostranstvenno-vremennykh predstavleniy s genezisom sobstvennosti i vlasti // Voprosy filosofii. 1999. № 4. S. 74.
2. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. M., 1990. S.14.
3. Burov V., Fedotova V. Zolotyie pravila reform // Literaturnaya gazeta. 1-7 fevralya 2006 g., № 4.
4. Burov V.G. «Podnebesnaya prinadlezhit всем». O dukhovnoy sostavlyayushchey sotsializma s kitayskoy spetsifikoy // Literaturnaya gazeta. 9-15 sentyabrya 2009 g., № 36.
5. Vasilev L.S. Fenomen vlast-sobstvennost. K probleme tipologii dokapitalisticheskikh struktur // Tipy obshchestvennykh otnosheniy na Vostoke v srednie veka. M., 1982.
6. Vasilev L.S. Chto takoe «aziatskiy» sposob proizvodstva? // Narody Azii i Afriki. 1988. № 3.
7. Vasilev L.S., Stuchevskaya I.A. Tri modeli vzniknoveniya i evolyutsii dokapitalisticheskikh obshchestv // Voprosy istorii. 1966. №5.
8. Garushyants Yu.M. Ob aziatskom sposobе proizvodstva // Voprosy istorii. 1966. №2;
9. Gegel G.V.F. Filosofiya prava. M., 1990.
10. Zotov G. Frantsiya na kolonyakh // Argumenty i fakty. 2013. № 32. S. 10.
11. Intervyu s Zhanom-Mari Le Penom // Kultura. 14-20 iyunya 2013 g., № 21. S. 3.
12. Kachanovskiy Yu.V. O ponyatiyakh «rabstvo» i «feodalizm» // Voprosy istorii. 1967. №6.
13. Klyuchevskiy V.O. Kurs russkoy istorii // Klyuchevskiy V.O. Sochineniya. V 9 t. T. V. M., 1989.
14. Klyamkin I.M., Lapkin V.V., Pantin V.I. Mezhdru avtoritarizmom i demokratiey // POLIS. 1995. № 2.
15. Kobzev A. Lyubit drakona // Rossiyskaya gazeta. 29 iyunya 2011 g.
16. Krzhevov V.S. Vlast i sobstvennost v dokapitalisticheskikh obshchestvakh (k metodologii analiza) // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 7. Filosofiya. 1990. № 1. S. 20-31.
17. Makfol M. Grazhdanskoe obshchestvo Ameriki // Nezavisimaya gazeta. 29 aprelya 2013 g. S. 5.

18. Marks K., Engels F. Feyerbakh. Protivopolozhnost materialisticheskogo i idealisticheskogo vozzreniy (I glava «Nemetskoy ideologii») // Marks K., Engels F. Izbrannye proizvedeniya v trekh tomakh. T. 1. M., 1966.
19. Martynenko V.V. Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo – dikhotomiya ili edinstvo? // Voprosy filosofii. 2011. № 10.
20. Mendeleev D.I. Granits poznaniyu predvidet nevozmozhno. M., 1991.
21. Mokshin V.K., Klochev S.Yu. Fenomen simbioza vlasti i sobstvennosti v sisteme sovetskogo tipa. Arkhangelsk, 1999.
22. С. Panarin A.S. Politologiya. Zapadnaya i Vostochnaya traditsii. M., 2000. S. 228.
23. Pigulevskaya N.V. K voprosu ob aziatskom sposobe proizvodstva // Vestnik drevney istorii. 1965. №3;
24. Remchukov K. Gorizontálne lyudi // Nezavisimaya gazeta. 15 iyulya 2013 g. S. 1.
25. Sbranie sochineniy R.A. Fadeeva. SPb., 1890. T. III. ch. 2. .
26. Sovremennyy slovar inostrannykh slov. M., 1992.
27. uriya Prakash Sinkha. Yurisprudentsiya. Filosofiya prava. Kratkiy kurs / Per. s angl. M., 1996.
28. Teoriya gosudarstva u slavyanofilov SPb., 1898.
29. Ter-Akopyan N.B. Razvitie vzglyadov Marksa i Engelsa na aziatskiy sposob proizvodstva i zemelnuyu obshchinu // Narody Azii i Afriki. 1965. №2;
30. Tomson M. Vostochnaya filosofiya. M., 2000.
31. Udartsev S.F. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy. Drevniy Vostok: Akademicheskii kurs. SPb., 2007.
32. Fedorov G. Rossiya Klyuchevskogo // Nashe nasledie. 1991. III.
33. Frank S.L. Sobstvennost i sotsializm // Russkaya filosofiya sobstvennosti (XVII-XX vv.). Spb., 1993.
34. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsiy. M., 2003.
35. Tsirel S.V. «Vlast-sobstvennost» v trudakh rossiyskikh istorikov i ekonomistov // Obshchestvennye nauki i sovremennost. 2006. № 3.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЮГА РОССИИ В АСПЕКТЕ ВЛИЯНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ РАДИКАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НА МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ¹

Усманов Рафик Хамматович, доктор политических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахан, ул. Татищева, 20а
E-mail: usmanr@mail.ru

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», Шифр заявки: 2012-1.2.1-12-000-3006-022 «Вызовы и угрозы этнополитической безопасности Юга России: Прикаспийский вектор социально-политической стабильности российского государства».